

А.М. Курьшов

СУТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕХОДА ЭВЕНКОВ И ТОФОВ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ К ТОВАРНОМУ ПРОМЫСЛУ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Проявления трансформации традиционного хозяйства «таежных» аборигенов Прибайкалья — эвенков и тофов — применительно ко времени начала капиталистической модернизации хозяйства Сибири (вторая половина XIX–начало XX вв.) можно объединить в две группы. Первую составляют изменения способа природопользования (интенсификация скотоводства, распространение земледелия, переход к оседлости). Это есть трансформация, затрагивающая *содержание* хозяйственной активности¹. Во вторую группу входят изменения *формы* способа природопользования, именно о них и пойдет речь.

Изменения эти заключаются, прежде всего, в переходе эвенков и тофов от *потребительской* охоты к охоте *товарной*. До начала XIX в. у этих народов была распространена почти исключительно потребительская охота на копытных. Пушная охота в основном осуществлялась для уплаты ясака. С разрешением в начале девятнадцатого столетия свободной торговли пушниной ситуация коренным образом изменилась. За появлением спроса на пушнину последовало немедленное предложение. Пушным промыслом занимались и русские, и буряты, и интернациональные артели². Но, в отличие от всех них, для тофов и эвенков промысел был, как правило, не способом обогащения, а источником средств к существованию, более надежным и рациональным, чем традиционная потребительская охота.

В чем состоят причины перехода эвенков и тофов к товарному хозяйству? Во-первых, настоящие «хозяева тайги», тунгусы и карагасы (тофы) понимали, что охота на пушного зверя им, как своего рода «специалистам», может принести большую пользу, нежели более сложная и менее удачливая охота на копытных. Другими словами, активизация пушного промысла у этих на-

родов явилась реакцией на конъюктуру рынка, начавшего свое триумфальное шествие по сибирским просторам. Естественность такой реакции, достаточно быстрое ее течение и, в итоге, повсеместное распространение товарного промысла говорят о внутренней слабости хозяйственных структур эвенков и тофов, которые не смогли предоставить достойную альтернативу нарождающимся товарным отношениям. Во-вторых, пушной промысел стимулировало взимание ясака пушнинаой, а переход на денежный ясак на рубеже веков делал его едва ли не единственным источником получения денег для «бродячих» инородцев. С одной стороны, политика взимания ясака «укрепляла экономический застой, ибо вместо развития производительных сил способствовала полуфеодальной эксплуатации «инородцев»³, с другой — подталкивая этих «инородцев» к товарному промыслу, исподволь разрушала традиционные формы природопользования и вовлекала сибирские народы в общероссийскую экономическую систему. Само по себе взимание ясака не рассматривалось правительством как элемент вовлечения инородцев в систему товарных отношений. Не являлся ясак таковым и по форме. Напротив, проекты упорядочения сбора ясака предполагали строгую регламентацию форм и способов торговли пушнинаой, дабы не допустить ухода «мягкой рухляди» «на сторону» помимо казны⁴. Тем не менее, ясачная политика властей приводила к противоположному результату. Распространяя на сибирских инородцев практику сбора ясака и ограничивая свободную торговлю пушнинаой, государство контролировало экономическую активность, брало на себя функции общины. Тем самым правительство исподволь подтачивало сами устои традиционного хозяйства, предполагавшего зависимость хозяйственной деятельности от социальных институтов. Кроме того, свободная торговля пушнинаой и высокие ставки ясака (33% от доходов⁵) делали более выгодным осуществление торговых операций со скупщиками мехов. Как следствие — ежегодная 25%-ная недоимка сибирских аборигенов по ясаку и окончательный переход на денежный ясак в 1910 г. В-третьих, популяции животных, которые являлись объектами потребительской охоты, сокращались. Чтобы обеспечивать себя исключительно продукцией охоты, эвенки в конце XIX—начале XX вв. должны были бы еже-

годно отстреливать 7072 лося или 16 974 оленя, а тофы — 1438 лосей или 2877 изюбров. Природная среда просто не смогла бы выдержать такой нагрузки, и предельный отстрел мог составить 3100 лосей, 420 изюбров и 1000 оленей у эвенков, и 30 лосей, 200 изюбров и 15 оленей в местах проживания тофов⁶. Тофы же, например, в 1888 году добыли фактически 79 лосей, 126 изюбров, 156 оленей и 30 коз. Безусловно, такие масштабы охоты рано или поздно должны были привести к сокращению численности диких копытных, и, как следствие, к нехватке продовольствия. Сама природа ограничивала потребительскую охоту и делала в принципе невозможным, при неразвитых земледелии и животноводстве, исключительно натуральный характер тофаларского и эвенкийского хозяйств.

К концу XIX в. у эвенков значение пушного промысла в процессе жизнеобеспечения выросло настолько, что можно говорить о приобретении тунгусским хозяйством товарного характера. По данным переписи 1897 г. 1481 иркутский тунгус (73,4%) главными своими занятиями имел рыболовство и охоту⁷. Однако изменился характер главного промысла — охоты. Ранее охота осуществлялась в основном на лося и дикого оленя, сейчас — на пушного зверя, ранее животные добывались для употребления их мяса в пищу, теперь — для обмена шкурок животных на продовольствие, а также свинец и порох для той же охоты. В документах инородческих ведомств, характеризующих состояние эвенкийского хозяйства в конце XIX в., содержится информация, прямо свидетельствующая о такой направленности тунгусской охоты. Так, например, в материалах управы Нижнеилимского инородческого ведомства встречаем следующее замечание: «Народное продовольствие инородцев здешней управы обеспечивается покупкою, то есть: зажиточные крестьяне Нижнеилимской и Киренской волостей снабжают инородцев хлебом на годовое продовольствие и рассчитываются с ними по окончании звериных промыслов — получают за хлеб пушными звериными шкурами. . . Главный промысел инородцев составляет звероловство, от которого и зависит благосостояние их, посредством продажи пушнины оплачиваются подати и приобретается все необходимое для пропитания»⁸. Кудинские тунгусы в начале XX столетия также занимались зверопромышленностью, — из 40 лиц мужского пола 22 человека

(т.е., надо полагать, все взрослые мужчины) занимались исключительно товарной охотой⁹. Об очеульских тунгусах известно, что еще в конце 1860-х гг. они «шкуры от упромышленного зверя... сбывают торговым лицам на Качугской ярмарке и в ближе расположенных селениях»¹⁰. В конце 1920-х гг. во всех региональных группах иркутских эвенков в структуре балансов жизнеобеспечения мясо диких животных уже значительно уступало покупному продовольствию (в среднем 34,7% против 80% от потребностей группы в год). Более того, при сопоставлении показателей по отдельным группам выясняется, что с обеспечением продовольствием дело лучше обстоит в тех группах, в которых покупные продукты питания составляют большую часть всего продовольствия, а охота на пушного зверя более масштабна¹¹. Таким образом, в конце XIX–начале XX вв. в целом эвенкийское хозяйство было направлено на товарный промысел, а именно — охоту на пушного зверя. В начале 1930-х гг. товарность эвенкийской охоты (в процентах к валовому выходу продукции) составляла 65,1%, в то время как товарность оленеводства — 35,9%. Причем, высокая товарность охоты наблюдается во всех имущественных категориях эвенков — от беднейших до наиболее зажиточных (от 63,7% до 68,9%), а товарность оленеводства присуща лишь богатым эвенкийским хозяйствам¹².

Обычно, говоря о товарном характере хозяйства, имеют в виду *товарное производство*. Переход эвенков к товарному хозяйству связан, прежде всего, с трансформацией форм традиционного их занятия — охоты. Охота же имеет черты не производящего, а присваивающего хозяйства. Предметы сбыта инородческой охоты, а это практически исключительно шкуры зверей, перед тем как превратиться в товар, подвергались лишь первичной, самой примитивной обработке, и не были готовы к непосредственному употреблению, фактически представляя собой природное сырье. Таким образом, товарный характер экономической деятельности эвенков представляет собой не товарное производство как таковое, а, скорее, присвоение природных богатств с целью сбыта. Такая специфика товарности тунгусского хозяйства свидетельствует о тесной ее взаимосвязи с традиционным способом природопользования. Сам прежний способ (охота) остался господствующим, но изменилась его *форма*, — если

ранее охота была только потребительской, то есть натуральной, то теперь она приобрела товарный характер.

В рассматриваемый период заметна активизация пушного промысла и в хозяйствах тофов. Причем, выросло не только количество добытого зверя, но и стал более разнообразным его видовой состав. Если в 1869 г. тофы добывали соболя и белку, то в 1888 г. среди их добычи встречались рысь, росомаха, колонок. К 1914 г. число добытой белки, росомахи, колонка значительно увеличилось, добывался также горноста́й, в то время как соболиный промысел сократился¹³. Эти факты говорят и о росте спроса на пушнину с одной стороны, и о сокращении популяций пушных зверей — с другой.

Уже тогда вызывало тревогу снижение численности пушного зверя, вызванное его фактически неконтролируемой добычей. Например, очеульские тунгусы в 1868 г. не добыли ни одного соболя¹⁴. В 1902 г. Иркутский генерал-губернатор издал постановление о запрете охоты на пушного зверя с 1 марта по 1 сентября в пределах генерал-губернаторства¹⁵. В своем Всеподданнейшем отчете за 1906–1907 гг. Иркутский генерал-губернатор Синельников писал: «Промышленная охота не регламентируется особыми инструкциями для каждого района, производится по обычаю предков и носит хищнический характер»¹⁶. Внуждала опасения добыча соболя и позднее, что вынудило губернские власти в 1910 г. принять правила охоты на соболя в новой редакции, которая, в частности, запрещала соболиную охоту в период с 1 января по 1 октября каждого года, а также употребление сетей и самоловных приспособлений¹⁷. Однако применение этих весьма полезных правил фактически было невозможно проконтролировать.

С сокращением соболя связано увеличение добычи белки и других животных. В целом пушная охота у тофов имела, по видимому, меньшее значение, нежели у эвенков. Об этом свидетельствует, во-первых, видовой состав добытого зверя. Если тофы сосредотачивались на соболиной и беличьей охоте, и лишь в начале XX в. среди их добычи появляются другие животные, то тунгусы еще в начале–середине XIX в. добывали на продажу зайца, лисицу, горноста́я, хорька, медведя, выдру, волка, барсука, росомаху¹⁸. Во-вторых, тофы подвергались при продаже

пушнины неслыханному обману, в результате чего оказывалось, что они «кругом в долгу и безнадежной кабале». Так, например, тунгусы Очеульского ведомства в 1845–1846 гг. за шкурку соболя получали 11 р. 85 к., в то время как тофы — лишь 5 р. 5 к.¹⁹ Частично это можно объяснить сравнительно небольшими масштабами добычи соболя тунгусами в сравнении с тофаларской добычей (например, в 1869 г. тофы добыли 583 соболя, а тунгусы Очеульского ведомства годом раньше — ни одного), и все же искусственно сниженные цены на пушнину делали промысел не всегда выгодным. В 1888 г. тофаларских соболей скупали по средней цене 7 р., а на Якутской ярмарке они стоили в 1889 г. в среднем 30 р., т.е. в пять раз дороже²⁰.

Вместе с тем, в отличие от тунгусов, пушной промысел для тофов был далеко не единственным проявлением товарности. «В последние 20–25 лет... карагасы стали переходить от охоты к другим промыслам»²¹. К таким промыслам относились заготовка сена и рубка леса для золотых приисков, золотодобыча, перевозка тяжестей на оленях. В 1888 г. из 82 тофаларских хозяйств занимались охотой 68 (82,9%), а только охотой, и ничем другим — лишь 27 хозяйств (32,9%). Золотодобычей 28 человек — представители 21 хозяйства (25,6%), сенокошением — 24 хозяйства (29,3%), извозом или доставкой леса — 8 хозяйств (9,8%)²². Сенокошение, таким образом, после пушной охоты, было самым популярным промыслом. Интересно, что некоторые карагасы не косили траву, а рвали ее руками по кочкам. Одна семья из трех человек за лето заготовила таким способом 100 пудов сена²³. Учитывая цену на сено (85 к. за пуд), эта семья должна была заработать 85 р., что соответствует стоимости примерно 12 соболиных шкурок. При средней добыче 7 соболей на хозяйство в 1888 г. это совсем неплохой заработок. Эвенкийское хозяйство, несмотря на свой более комплексный, по сравнению с тофами, характер, специализировалось практически исключительно на пушной охоте. Эта специализация поставила эвенков в зависимое положение от скупщиков мехов. Без покупки продуктов питания, пороха, свинца, а также алкогольной продукции, специализирующиеся на пушной охоте тунгусы уже не могли обойтись.

Результаты перехода эвенков и тофов в конце XIX–начале XX вв. к товарному хозяйству неоднозначны. По-прежнему

охота служила только целям удовлетворения насущной потребности человека в пище. Традиция не подразумевала накопление богатств. Исследователь традиционного тофаларского хозяйства Н.М. Астырев утверждал, что тофы никогда не шли на промысел, предварительно не использовав всех запасов: «Убив зверя или наловив рыбы, карагаз и его семья едят до отвала в течении нескольких дней, пока хватит добычи, и только последний кусок съеден, карагаз идет вновь на промысел, а семья кормится до его возвращения оленьим молоком, если оно есть, или разваренной сараной»²⁴. И все ж, если раньше продукция охоты непосредственно употреблялась в пищу, то теперь она обменивалась на продовольствие у русских и бурят, что открывало широкую дорогу в патриархальный быт коренного населения иркутской тайги новому укладу, основанного на обмене и обмане. И это исподволь приводило к трансформации психологии таежных охотников: «В результате приобщения к чуждой культуре они смогли усвоить лишь поверхностные элементы. Зато дух наживы и стяжательства, а также притупление любви к природе внедрилось в их сознание и быт очень быстро»²⁵. Необходимость расширения пушного промысла и активные контакты с русским и бурятским населением приводили к широкому использованию огнестрельного оружия²⁶. Вместе с тем, справедливо высказывание, что «введение новых технологий оказывает не меньшее воздействие на распад системы традиционных поземельных связей, чем государственная политика отчуждения промысловых территорий»²⁷. Использование достижений цивилизации позволяло человеку осознать относительность зависимости от природы, что в итоге могло привести (и приводило) к деформации комплекса экологических традиций, как одного из важнейших элементов системы традиционного хозяйства. Например, на Ербогаченской ярмарке, где происходило выменивание у тунгусов пушнины и шкур копытных животных, ежегодно фиксировалось поступление в продажу лосиных шкур, добытых в весенне-летний период, что было запрещено. Причем никто из виновных, как правило, не наказывался, поскольку торговля шкурами была выгодным делом для всех.

Новые экономические отношения приводили к экономической зависимости эвенкийского и тофаларского населения: пос-

редством взимания денежного ясака — от государства, посредством «покруты» (когда охотники, получая припасы и оружие у «предпринимателя», должны были отдавать ему часть добычи, чаще — 1/3) — от частных лиц. «Покруту» справедливо называют одной из форм закабаления представителей коренного населения Сибири²⁸. «Покрута» была столь обычным явлением хозяйственной жизни обитателей иркутской тайги, что русских крестьян, разбогатевших на эксплуатации труда эвенков и тофов, в Восточной Сибири называли «тунгусниками» и «карагасниками». Занимались ссуживанием свинца и пороха и органы местной власти. Например, руководство Нижнеилимской управы регулярно спрашивало для «инородцев» — зверопромышленников свинец и порох, которые отпускались тунгусам в долг под расписку²⁹. Помимо покруты, таежные аборигены подвергались эксплуатации и другого рода, — «инородцев» спаивали и обманывали самым беззастенчивым образом при покупке пушнины. Так, отмечается, что на Ербогаченскую ежегодную ярмарку заблаговременно завозилось большое количество спирта, так как спирт ценился эвенками очень высоко. Когда в 1911 г. на ярмарку прибыл пристав и запретил продажу спирта, масштабы закупок пушнины сразу снизились³⁰.

Неоднозначна роль товарного промысла для «бродячих» эвенков. С одной стороны, пушной промысел требовал регулярных перекочевок по сравнительно большой территории, что приводило к повышению роли транспортного оленеводства и усилению «бродяжничества». На первый взгляд, эти обстоятельства свидетельствуют об определенной консервации традиционной хозяйственной формы — кочевой охоты. С другой стороны, торговые контакты со скупщиками пушнины, зависимость от поставщиков пороха и свинца, специализация исключительно на пушном промысле, требующая покупки продуктов питания заставляла «бродячих» тунгусов иметь постоянные места дислокации. В этом смысле товарный промысел стал одним из факторов перехода «бродячих» эвенков к «сезонно-оседлому образу жизни»³¹. На примере «бродячих» тунгусов ярко заметно влияние изменения такого признака традиционного хозяйства, как натуральный характер хозяйственной деятельности, на систему традиционного хозяйства в целом.

Экономическая зависимость, в конце концов, выливалась в падение жизненного уровня. Поэтому сложная демографическая ситуация, сложившаяся в эвенкийском и тофаларском обществах, одной из причин также имеет переход к товарному хозяйству. Увеличивающиеся долги, распространение пьянства, которому инородцы оказались очень подвержены, усиление имущественной дифференциации, — все это явления, порожденные наступающими рыночными отношениями, предполагающими своеобразный «естественный отбор», в ходе которого не приспособившиеся индивиды и целые народы не только теряют свое своеобразие, в том числе хозяйственно-бытовое, но и исчезают с лица земли.

Движение тунгусского населения свидетельствует о медленном вымирании народа. Основными причинами вымирания являлись распространение болезней, алкоголизма. Немалую роль сыграло и то, что эвенкийское комплексное хозяйство было переориентировано на специализацию по пушному промыслу. Деятели Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВСОИРГО) авторитетно заявляли, что с сокращением пушного зверя, который являлся источником «инородческого» благосостояния, тесно связано вымирание «инородцев»³². С 1824 по 1897 гг. численность эвенков сократилась почти на 50%, убыль населения составила в среднем 0,7% в год. Данные по отдельным тунгусским ведомствам только подтверждают общую тенденцию. Например, в Очеульском ведомстве Верхоленского уезда с 1830 по 1845 гг., т.е. за 15 лет, население выросло на 42 человека (с 636 до 678), что составило 6,6%, но уже в следующие 23 года численность тунгусов снизилась на 140 человек (до 538), т.е. на 20,7%³³. Если в первом временном промежутке фиксируется среднегодовой рост на 0,4%, то во втором — спад на 0,9% ежегодно. В 1902 г. в ведомстве проживало уже лишь 418 тунгусов³⁴. За 72 года инородческое население ведомства сократилось на 34,3%, в среднем за год население уменьшалось на 0,5%. Население малочисленного Тутурского тунгусского ведомства Верхоленского уезда с 1880 по 1908 гг. сократилось на 22 человека (с 78 до 56), или на 28,2%³⁵. Среднегодовая убыль составила более 1%. Инородческое население Нижнеилимского ведомства с 1830 по 1883 гг., т.е. за 53 года, сократилось с 374 до 276 человек, то есть на 26,2%. Среднегодовая убыль населения — 0,5%³⁶.

Столь великий отрицательный прирост тунгусского населения нельзя объяснить только естественными причинами превышения смертности над рождаемостью. В том же Оччульском ведомстве в отдельные годы, например в 1845 и 1869 гг., взятые нами для сравнения, отмечается обратная картина — количество рождений больше количества смертей. Анализируя механизмы сокращения эвенкийского населения в рассматриваемый период, следует говорить не только об отрицательном естественном приросте, но и об ассимиляционных процессах, которым эвенки подвергались. Если распространение животноводства и земледелия в некоторой степени делали эвенкийское хозяйство более защищенным от воздействий и изменений природной среды, то товарный промысел, напротив, способствовал углублению имущественной и социальной дифференциации, снижению общего уровня жизни и активизации контактов с внешним миром, что в итоге, посредством увеличения смертности и ассимиляции, приводило к сокращению населения. К концу 1920-х гг. в Прибайкалье осталось около полутысячи тунгусов. Несколько увеличилась численность курейцев и кондогирцев (с 303 человек в 1897 г. до 651, и с 293 до 629 соответственно), однако не за счет повышения рождаемости или снижения смертности среди местных тунгусов, а в результате миграций прибайкальских эвенков во время Гражданской войны³⁷.

На фоне демографической ситуации, сложившейся у эвенков, ситуация с движением тофаларского населения в конце XIX—начале XX вв. выглядит более стабильной. Коренное население Тофаларии даже несколько увеличилось к 1914 г. по сравнению с концом XIX в. Колебания численности населения незначительны. Причины этого феномена нужно искать в относительной изоляции тофов, исключительно кочевом образе жизни, что осложняло контакты с представителями других национальностей и, соответственно, откладывало ассимиляцию на более поздний срок. Кроме того, как уже отмечалось, сравнительно развитое оленеводство и узкая специализация традиционного хозяйства тофов делало его более жизнеспособным перед надвигающимися рыночными отношениями, нежели хозяйство эвенков. Однако специфика трансформации тофаларского хозяйства лишь на время могла отложить поглощение его новыми экономическими отношениями и последующее ухудшение демографической

обстановки. Уже в рассматриваемый период заметно снижение темпов роста численности населения Тофаларии, — с 1,5% в период с 1884 по 1888 гг. до 0,1% в 1888–1914 гг. В 1917 г. перепись зафиксировала 447 тофов³⁸, т.е., численность их за период с 1914 по 1917 гг. практически не изменилась. Безусловно, небольшая численность тофов не дает возможности проводить эффективный математический анализ движения населения. Сравнение данных по различным годам вряд ли может претендовать на объективность, поскольку даже небольшая неточность исследователей в подсчете населения при использовании математических вычислений может привести к неожиданным результатам. Например, если сравнивать данные за 1884 г. (407 человек) и за 1917 г. (447), напрашивается вывод о росте населения Тофаларии, но если данные 1917 года сопоставить с показателем численности тофаларского населения в 1882 году (456 человек³⁹), ситуация выглядит не столь оптимистичной. Б.Э. Петри утверждал, что население Тофаларии стабилизировалось в пределах 400–500 человек задолго до прихода русских⁴⁰. И все же в последующие годы численность тофов начинает снижаться (в 1925 г. — 416 человек⁴¹), а ассимиляционные процессы приведут к тому, что, несмотря на некоторый рост населения в целом, в наши дни лишь около полусотни человек могут назвать себя чистокровными тофами⁴².

Пушной промысел был и фактором углубления социального и имущественного неравенства. Торговля с частными лицами, «покрута», необходимость выплаты ясака — все эти явления, имевшие конечной целью *личную* выгоду, повышали значимость индивидуального труда и сводили на нет контрольную функцию рода. На первый взгляд, с переходом к товарному хозяйству эвенкийский и тофаларский род внешне не претерпел существенных изменений, он по-прежнему не являлся «экономической структурой»⁴³. Однако эта неизменность кажущаяся. Раньше тофаларский род, как социальный институт, контролировал экономическую активность своих членов, например, с помощью перераспределения охотничьих угодий, добычи, мест кочевий. Род не был экономической структурой в том смысле, что сами экономические отношения были подчинены социальным интересам, хозяйственная деятельность осуществлялась как бы *внутри*

общины, и не выходила за ее рамки. С переходом к товарному промыслу мало того, что возросла роль отдельной семьи или отдельного охотника, — экономическая деятельность теперь была направлена за пределы общины, и оттуда же, *извне*, посредством рыночных механизмов она регулировалась. Теперь род не был экономической структурой потому, что начал терять контроль над хозяйственной деятельностью, отделяющейся от него и тяготеющей к внешней среде. Теперь он постепенно превращается в социальный институт, не выполняющий экономических функций и зависимый от чуждых, отделившихся от других обществ экономических институтов. Однако контроль рода у тофаларов еще проявлялся в соблюдении внутриродовой экзогамии и разделе охотничьих угодий на ежегодном общем суглане. Хотя отдельные семьи охотились уже самостоятельно, патронимии тофов, состоящие из малых семей, все еще объединялись в роды, и номинально, и для осуществления хозяйственной деятельности (при выпасе оленей весной и летом)⁴⁴. Эвенкийская же родовая организация к концу XIX в. эволюционировала в сторону распада родовой общины на патронимии, и далее — на обычные малые семьи, в силу дисперсного проживания, масштабных перекочевок и вступления в контакты с другими народами. Инородческие тунгусские ведомства являлись лишь административными единицами. Эвенкийский род мог контролировать экономическую активность лишь в рамках семейного хозяйства. Коллективные формы труда у эвенков наблюдаются лишь во вспомогательных занятиях (рыболовство, выпас оленей, потребительская охота), в основном же (пушной промысел) господствует индивидуальный труд⁴⁵. О фактическом отсутствии родовой организации у иркутских эвенков говорит хотя бы тот факт, что во время переписи 1897 г. 90% тунгусов не показали свой род. Это сделали лишь эвенки, перекочевавшие из Якутской области, а также часть эвенков Верхоленского округа (кочевье Качик) и эвенки, проживающие в Иркутском округе. Причем две последние группы показали себя членами бурятских территориальных родов⁴⁶. Эвенкийский род не являлся препятствием для товарных отношений, что отразилось как на сравнительно быстром приобщении тунгусов к рынку (в качестве поставщиков мехов), так и на ассимиляции прибайкальских территориальных групп

эвенков уже в рассматриваемый период. В 1897 г. 31,8% эвенков считали родным языком русский язык, а 15,7% — бурятский⁴⁷. Отдельные отголоски родовой организации эвенков можно еще видеть в обычае «нимата» (когда охотник обязан делиться добычей), однако в целом общественный контроль за индивидуальной хозяйственной деятельностью уже отсутствовал.

Таким образом, широкое распространение товарного промысла приводило к постепенному поглощению традиционных хозяйственных форм рыночными отношениями, а впоследствии — к культурной и физической ассимиляции эвенков. В социальном плане трансформация означала потерю тофаларскими и эвенкийскими родами контроля над экономической деятельностью, что, в свою очередь, форсировало процесс вовлечения тофов и эвенков в общероссийскую экономическую систему. В результате традиционное хозяйство тофов и эвенков потеряло свою этническую специфику.

Примечания

¹ См.: Курьшов А.М. Трансформация традиционного хозяйства эвенков и тофов Иркутской губернии в конце XIX—начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. № 2. С. 91–109.

² Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. С. 42.

³ Дамешек Л.М. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака на рубеже веков // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: Материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 7–8 июня 2001 г. Иркутск, 2002. С. 190.

⁴ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX—начале XX века. Иркутск, 1983. С. 69.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Филиппова М.В. Экономико-географические основы формирования этнического природопользования на примере малочисленных народов Иркутской области — тофаларов и эвенков: дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 1993. С. 127.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV: Иркутская губерния. СПб., 1904. С. 115; см. также: Серебренников И.И. Серебренников И.И. Иногородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк). Иркутск, 1917. С. 34.

⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 10–11.

⁹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 13, оп. 1, д. 359, л. 79об., 82об.

¹⁰ ГАИО. Ф. 148, оп. 1, д. 41, л. 35.

¹¹ Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск, 2000. С. 106 (табл. 23).

¹² Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1938. С. 17.

¹³ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. II. Москва, 1890. Приложение I. С. 183.

¹⁴ ГАИО. Ф. 148, оп. 1, д. 41, л. 34.

¹⁵ Там же. Ф. 25, оп. 10, д. 1978, л. 204.

¹⁶ Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. Иркутск, 1908. С. 33.

¹⁷ Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг. Иркутск, 1912. С. 25.

¹⁸ ГАИО. Ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 75; д. 5, л. 105; д. 41, л. 34.

¹⁹ Там же, д. 20, л. 3; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний... С. 186.

²⁰ Известия ВСОИРГО. Т. 20. № 5. 1889. С. 21.

²¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний... С. 183.

²² Там же. С. 182.

²³ Там же. С. 182–183.

²⁴ Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 315.

²⁵ Березницкий С.В. Трансформация традиционной системы жизнеобеспечения коренных народов Амура под влиянием этнокультурных контактов с иноэтническими цивилизациями // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 17.

²⁶ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX–начале XX вв. (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990. С. 61.

²⁷ Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвйтчин бассейна реки Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 92.

²⁸ Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX–XX вв.): учеб. пособие. М., 1990. С. 112.

- ²⁹ ГАИО. Ф. 461, оп. 2, д. 12, л. 26.
- ³⁰ Сибирь. 1911. № 294. С. 3.
- ³¹ Туров М.Г. Указ. соч. С. 78.
- ³² Сибирская заря. 1909. № 28. С. 2.
- ³³ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 148, оп. 1, д. 5, л. 161; д. 20, л. 3об.; д. 17, л. 282.
- ³⁴ ГАИО. Ф. 171, оп. 1, д. 7, л. 218.
- ³⁵ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 171, оп. 1, д. 7, л. 218.
- ³⁶ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 65; оп. 2, д. 13, л. 8.
- ³⁷ Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Иркутск, 2002. С. 48, 51–52.
- ³⁸ Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по городам, поселениям городского типа. Уездам и волостям Иркутской губернии: Материалы Иркутского Губернского Статистического Бюро по Демографической секции. Вып. I. Иркутск, 1920. С. 23.
- ³⁹ Миротворцев К.Н. Карагасы: Статистико-экономический очерк. Иркутск, 1921. С. 2.
- ⁴⁰ Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. С. 20.
- ⁴¹ Там же. С. 5.
- ⁴² Качанов В.Н. Социально-экономическое развитие территории автохтонного этноса (Тофалария) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск, 2003. С. 31.
- ⁴³ Филиппова М.В. Указ. соч. С. 140.
- ⁴⁴ Мельникова Л.В. Тофы: Историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994. С. 37.
- ⁴⁵ Никульшин Н.П. Указ. соч. С. 26, 30, 41, 45.
- ⁴⁶ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I: Тунгусы собственно. Вып. II. СПб., 1906. С. 131.
- ⁴⁷ Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия). Улан-Удэ, 1999. С. 36.